

*Записки
Английского
клуба*

ЕФИМ ЧЕРНЯК

ТАЙНЫ
СПЕЦСЛУЖБ
БРИТАНСКОЙ
КОРОНЫ

ПРОВОКАЦИИ
ТУМАННОГО
АЛЬБИОНА

Записки английского клуба

Ефим Черняк

**Тайны спецслужб британской
Короны. Провокации
Туманного Альбиона**

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Черняк Е. Б.

Тайны спецслужб британской Короны. Провокации Туманного Альбиона / Е. Б. Черняк — «Алисторус», 2014 — (Записки английского клуба)

В Лондоне, неподалеку от берега Темзы, возвышается монументальное здание Сикретинтеллидженс сервис, или МИ-6, – организации таинственной, как и положено разведывательной службе. Секреты Великобритании всегда были запретной темой, и это было священной традицией, как и многие другие обычаи и правила британской нации, – что-то вроде привычки умываться в стоячей воде раковины (ради экономии!) или ездить по левой стороне улицы. Прежде чем стать вполне респектабельной структурой, ведомство «плаща и кинжала» пережило времена, когда едва ли не каждое дело могло стать сюжетом увлекательного шпионского романа. Вспомним хотя бы эпизод, когда английская секретная служба подослала к московскому царю Ивану IV Грозному агента Бомелия, специалиста по составлению гороскопов. Гадание по звездам, магия и алхимия широко использовались англичанами; в ходу были и агенты-двойники. В давние времена к работе на благо Короны часто привлекали авантюристов, преступников, отбросы общества. Впрочем, среди разношерстной шпионской публики были и вполне приличные британцы: моряки, студенты, священнослужители, представители «голубой» крови. Именно об этом – о самых интересных и загадочных моментах в истории британских спецслужб – книга известного историка Е.Б. Черняка.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Черняк Е. Б., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Яков I – вереница заговоров	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ефим Борисович Черняк

Тайны спецслужб британской Короны. Провокации Туманного Альбиона

Яков I – вереница заговоров

Современники (видимо, не без причины) различали в цепи конспирации, организованных в первый год правления Якова I, два заговора: «главный», направленный на возведение на престол с помощью испанского золота родственницы Якова Арабеллы Стюарт, которую считали более благожелательной к католикам, и «побочный», ставивший целью захватить короля и принудить его действовать по указке некоего патера Уотсона и его сообщников. Разоблачение происков Уотсона привело к раскрытию «главного» заговора...

Участие в этих заговорах приписали Ралею. Благодаря стараниям своих недругов он, оказавшийся в полной немилости при дворе, несомненно, знал о существовании заговоров, хотя в них не участвовал и не пользовался доверием конспираторов. После ареста заговорщиков Роберт Сесил убедил одного из них, Кобхема (своего близкого родственника), в том, что именно Ралей предал его, и побудил сделать признания, продиктованные коварным искusstелем. Но Кобхем неоднократно менял свои показания. В результате свидетельства Кобхема потеряли всякую ценность.

Отлично сознавая шаткость улик против Ралея, тайный совет строго подошел к отбору судей, большинство которых были заклятыми врагами обвиняемого. Можно было положиться, конечно, также на проверенное бесстыдство Эдварда Кока, вдобавок, кажется, действительно уверовавшего в виновность подсудимого. Нельзя было усомниться и в усердии лорда главного судьи Джона Попема, который, по упорным слухам, начал свой жизненный путь разбойником на большой дороге, а потом, избрав юридическую карьеру, обогнал всех своих коллег по размеру полученных взяток.

Процесс начался в Винчестере 17 ноября 1603 года. Ралей, который в припадке отчаяния еще до суда пытался покончить жизнь самоубийством в Тауэре, теперь снова приобрел свое обычное самообладание. Кок неистовствовал, угрожая подсудимому пытками, именовал его «гадюкой», «гнусным и отвратительным предателем», «исчадием преисподней», «чудовищем с английским лицом, но испанским сердцем». Запуганные присяжные сразу же вынесли вердикт «виновен». Попом произнес традиционную формулу приговора к мучительной казни.

Явное изменение настроения публики в пользу подсудимого заставило трусливого Якова, не отменяя смертного приговора, обречь Ралея на пожизненное заключение в Тауэре. Там он написал свою многотомную «Всемирную историю». Уже на эшафоте были помилованы Кобхем и еще два участника заговора. В 1616 году Ралея освободили и послали в Гвиану разыскивать золотые залежи. Экспедиция Ралея столкнулась с испанцами, ревниво охранявшими свою колониальную монополию в Западном полушарии. А такое столкновение как раз категорически было запрещено Ралею, поскольку Яков в это время тяготел к союзу с Мадридом. После возвращения на родину Ралей был немедленно арестован по настоянию влиятельного испанского посла Гондомара. На этот раз его обвинили в пиратстве, хотя, как подтвердили последующие расследования, он действовал в тех областях Южной Америки, где не было испанских поселений.

22 октября 1618 года суд королевской скамьи подтвердил прежний приговор, вынесенный Ралею. Отрицая свою вину, Ралей заявил судьям, что он скоро будет там, где «не надо страшиться ни одного из королей на земле». Приглашая одного из друзей на собственную

казнь, Ралей порекомендовал ему заранее запастись удобным местом, так как на площади будет очень многолюдно. «Что касается меня, – добавил осужденный, – то я себе место уже обеспечил». На эшафоте он вел себя с обычным бесстрашием и равнодушием к смерти. Отказавшись надеть повязку на глаза, сказал: «Зачем же страшиться тени топора тому, кто не боится самого топора».

Так окончилась жизнь одного из прославленной когорты елизаветинцев – человека, с поистине возрожденческой щедростью наделенного храбростью солдата и пытливым умом ученого, сына бурного времени, которое является потомству в образе шекспировской Англии.

Рядом с заговором, организацию которого приписывали Ралею, стоит «пороховой заговор» – это знаменитая в анналах британской истории попытка группы католических дворян Роберта Кетсби, Томаса Перси, Гая Фокса, Томаса Винтера и других подвести подкоп под здание палаты лордов и взорвать бочки с порохом, когда в ноябре 1605 года король Яков I должен был присутствовать при открытии сессии парламента.

Кетсби бурно провел юношеские годы в компании других аристократических прожигателей жизни, весьма мало интересуясь религиозными вопросами и скрывая только от протестантских собутыльников, что он был католиком. Однако уже в 1598 году, когда ему исполнилось всего двадцать лет и когда друг за другом умерли его отец и жена, произошло не столь уж редкое в ту эпоху превращение беспутного гуляки в религиозного фанатика, целиком поглощенного мыслями о служении церкви. В ее распоряжение он предоставил свое состояние, свой меч и, как вскоре выяснилось, воспитанную с детства холодную надменность аристократа, привыкшего повелевать, и яростную решимость заговорщика. За участие в мятеже Эссекса Кетсби должен был заплатить огромный денежный штраф – более чем в 2,5 тыс. фунтов стерлингов. Сжигаемый рвением, он считал самого папу и иезуитов нерешительными, недостаточно усердными в деле возвращения Англии в лоно католицизма и мечтал одним ударом достигнуть этой заветной цели.

Другим из первоначальных организаторов заговора был Томас Винтер, младший сын в небогатой католической дворянской семье из графства Вустер, дальний родственник и близкий друг Кетсби, также имевший владения в этом графстве. Отлично образованный, говорящий на французском, итальянском и испанском языках, Винтер стал своего рода «министром иностранных дел» заговорщиков. Случаю было угодно, что именно с именем Томаса Винтера оказались связаны важные документы, о которых и поныне, уже через три с половиной столетия, все еще не затихают споры среди тех, кто стремится проникнуть в неразгаданные тайны заговорщических квартир, правительственных канцелярий и суровых подземных казематов Тауэра... А пока что Винтер часто навещал Уайт-Уэбс, где «мистера Томаса» с радушием принимали Гарнет и другие лица, проживающие в этой иезуитской обители.

Наряду с Кетсби руководителем заговорщиков стал Томас Перси, он был значительно старше других участников заговора, достигнув 45-летнего возраста, тогда как большинство остальных еще приближались или только что перешагнули рубеж тридцатилетия. Двоюродный брат графа Нортумберлендского, самого знатного из католических лордов, потомок знаменитого в истории Англии дворянского рода, Перси занимал значительно более высокое общественное положение, чем его сообщники.

Вращаясь в придворной среде, он мог узнавать новости, которые трудно было получить другим путем. Коротконогий, с длинным, будто растянутым телом, сутулыми плечами и багровым лицом, окаймленным длинной широкой бородой, этот природный аристократ был раньше более известен как забияка и завсегдатай трактиров и других увеселительных заведений столицы, где он спустил немалую часть своего состояния, как человек, мало пекущийся о религиозных делах. Однако, как и у Кетсби, у него произошел резкий перелом, и бывший кутила обернулся кающимся грешником, изнуряющим постами плоть и послушно следующим советам святых отцов-иезуитов. Нарушение королем обещаний, данных католикам, он рассматри-

вал в качестве личного оскорбления, за которое в разговоре с друзьями открыто угрожал сам убить Якова.

Этот человек был как будто соткан из противоречий. Необузданный характер и природная спесь рода Перси, толкавшие его к самым диким поступкам, странно уживались с хладнокровным расчетом и обдуманностью действий опытного солдата. Рьяный католик, лишь в 40 лет открыто перешедший в католицизм, истово верующий, не остановившийся, однако, перед смертным грехом двоеженства; человек, которого одни считали орудием иезуитов, а другие – правительственным провокатором; возможно, конспиратор, перемежавший посещения тайных собраний заговорщиков с еще более таинственными ночными визитами к Роберту Сесилу. В числе многих загадок заговора большой загадкой оставался и один из его главных организаторов Томас Перси.

И, наконец, Гай Фокс – наиболее известный из всех заговорщиков, но по сути дела игравший лишь роль исполнителя планов, задуманных другими. Родом из Йоркшира, Гай Фокс уже в молодости служил в полку Уильяма Стенли, состоявшем из католиков – эмигрантов из Англии. В рядах этого полка Фокс сражался против французов и дослужился до офицерского чина. Высокий, угрюмый солдат с темно-рыжей бородой, решительный и послушный указаниям священников, Фокс представлял идеальное орудие для организаторов католического заговора.

Нам, однако, пора вернуться назад и узнать, как возник и какие цели преследовал этот заговор, столь знаменитый в истории Англии и в истории тайной войны. Однако здесь сразу возникают непреодолимые затруднения. Главные тайны были унесены заговорщиками в могилу. Часть того, что будто бы стало известным, вызывает подозрение – и не случайно. Слишком могущественны были люди, заинтересованные в том, чтобы вся правда о заговоре никогда не выплыла наружу.

Через их цензуру прошло почти все, что мы знаем о заговоре, и лишь по каплям отцеживая истину среди заведомо ложных или незаметно, но коренным образом искаженных известий, отыскивая недостающие звенья в местах, которые были недоступны или неизвестны этим лицам, можно воссоздать хотя бы частично подлинную картину событий.

Многое говорит за то, что идея заговора возникла в голове Роберта Кетсби. Была ли она ему подсказана кем-нибудь? Быть может, это был Томас Морган, бывший агент Марии Стюарт в Париже, с тех пор неприменный участник многочисленных крупных и малых шпионских предприятий иезуитов – от неоднократных попыток убийства Елизаветы до соблазнения к дезертирству офицеров английского экспедиционного корпуса во Фландрии, от слежки за лагерными проститутками, которых подозревали в передаче тайных сведений голландским бунтовщикам, до наблюдения за действиями самого наместника испанского короля и главнокомандующего испанскими войсками принца Александра Фарнезе, который не избежал болезненной подозрительности Мадридского двора. Существует версия, что Морган изобрел план заговора, который он сообщил уже известному нам Оуэну, а тот в свою очередь познакомил с этим планом Роберта Кетсби. Возможно, что это было именно так, но снова следует сказать, что слишком влиятельные люди были заинтересованы в этой версии заговора, и уже по одному этому она вызывает некоторые сомнения. К тому же вряд ли нужен был Томас Морган с его международным шпионским опытом, дабы изобрести этот план, и ловкость Оуэна, чтобы убедить Кетсби взять на себя его осуществление. Для этого достаточно было вспомнить одно событие, происшедшее, правда, до рождения Роберта Кетсби и почти всех участников заговора, но превосходно известное всем его современникам.

Лет за сорок до этого, в ночь с воскресенья на понедельник 10 февраля 1567 года страшный взрыв потряс все здания шотландской столицы Эдинбурга. Взлетел на воздух небольшой дом Керк о'Филд, в котором Мария Стюарт поместила своего второго мужа Генри Дарнлея. А через несколько часов из-под руин, в которые был превращен Керк о'Филд, слуги Босвела,

изображающие расследование убийства, извлекают труп Дарнлея – отца Якова I, будущего короля Англии и Шотландии!

Конечно, этот пример не мог не стоять перед глазами будущих заговорщиков, для которых драматическая история Марии Стюарт была одним из самых памятных событий недавнего и незабываемого прошлого. При этом важно добавить – в дальнейшем читатель поймет, почему это важно, – события 10 февраля 1567 года должны были, конечно, стоять и перед глазами власть имущих, и прежде всего Роберта Сесила, отлично и в деталях знакомого со всей историей Марии Стюарт и по государственным бумагам, и по семейным архивам, и по своим собственным воспоминаниям.

Впрочем, случай в Шотландии был не единственным. Предпринимались попытки взорвать помещение, где заседали Фарнезе и его советники в Антверпене, и государственные здания в Гааге. Была сделана подобная же попытка Майклом Муди еще в царствование Елизаветы. Словом, примеров было вполне достаточно, чтобы обойтись без советов Моргана и Оуэна, когда у Кетсби и его друзей возникла мысль избавиться от Якова I, нарушившего свои обещания католикам.

Теперь для католиков возникла возможность сыграть на задетом патриотическом чувстве, на непопулярности нового короля-шотландца и привезенной им с собой толпы любимцев. Ведь шотландцы по-прежнему считались исконными врагами Англии, пожалуй, не менее ненавистными, чем испанцы или французы. Если бы удалось оглушить страну известием о гибели Якова I, его старшего сына и наследника престола Генриха и главных советников, то разве нельзя было бы захватить, пользуясь неожиданностью, кого-либо из младших детей короля – принца Карла или принцессу Елизавету – и от их имени создать под видом регентства католическое правительство, представив его патриотическим английским правительством, которое покончит с шотландским засильем? А заранее собранное ополчение католического джентри и эмигрантский полк Стенли, который будет спешно переброшен в Лондон, дали бы в руки этого правительства солидную военную опору.

Так, или примерно так, могли рассуждать заговорщики, по крайней мере, если можно верить дошедшим до нас документам. А мы еще увидим, можно ли им верить. Эти планы кажутся довольно фантастическими, но заговорщики были люди деловые, и, возможно, что они лучше оценивали господствовавшие настроения и обстановку, чем их критики из числа ученых, живущих через три с лишним столетия после событий.

Пора, однако, рассказать, как возник и как развивался сам заговор. В ноябре 1603 года в одном из лондонских домов Кетсби, неподалеку от набережной Темзы, по инициативе хозяина собрались Томас Винтер и Джон Райт, брат жены уже знакомого нам Томаса Перси. Кетсби без особых предисловий изложил им свой план «единым ударом без всякой иноземной помощи вновь внедрить католическую религию» и с этой целью подорвать порохом здание парламента. «В этом месте, – заявил Кетсби, – они причинили нам все зло, и, быть может, Господь обрек это место служить для них карой». На сомнения, высказанные друзьями, он лишь заметил: «Характер болезни требует столь сильнодействующего лекарства».

Однако, чтобы побороть колебания друзей, Кетсби предложил в последний раз проверить, возможно ли рассчитывать на испанскую помощь. Винтер поехал во Фландрию, где коннетабль Кастилии готовился отбыть в Лондон для заключения мирного договора между Англией и Испанией. Понятно, что от Винтера отделались пустыми, ничего не значащими обещаниями похлопотать за английских католиков перед королем Яковом. Вероятно, во Фландрии Винтер встретился с Оуэном и иезуитами, которым изложил планы заговорщиков, – вероятно, говорим, поскольку мы не имеем иных доказательств этому, кроме как приведенных в документах, которые, возможно, не заслуживают доверия. В апреле 1604 года Винтер вернулся из своей поездки в сопровождении верного человека – Гая Фокса, которого ему порекомендовал полковник Стенли. Фокс, конечно, называл себя в Англии вымышленным именем и

фамилией – Джоном Джонсоном. Через две недели в заговор был вовлечен Перси, приехавший в Лондон. А еще через несколько дней все пятеро заговорщиков, собравшись в самом центре столицы, на Стренде, поклялись свято хранить тайну, не выдавать товарищей и не отступаться от своих планов, после чего в соседней комнате прослушали мессу, которую отслужил иезуит, отец Джерард, приехавший для этого из Уайт-Уэбса, и приняли причастие.

Знал ли Джерард, о чем совещались его духовные чада за несколько минут до того, как они пришли слушать мессу? Ответить на этот вопрос, как мы увидим, нелегко, поэтому подождем делать выводы прежде, чем познакомимся со всеми важными фактами. После мессы Кетсби изложил подробно свой план. Еще раньше он навел справки о домах, примыкающих к палате лордов, в которой по традиции присутствовал король при открытии парламентской сессии. Для понимания дальнейшего надо упомянуть, что здания были там расположены в виде буквы «Н». Горизонтальная линия – это палата лордов, верхняя половина левой вертикали – так называемые покои принца, а нижняя половина этой линии – дома парламентских клерков и другого обслуживающего персонала. Верхнюю половину правой вертикали составляла Живописная палата, в которой происходили совещания уполномоченных палаты лордов и палаты общин. О домах, образующих нижнюю половину правой вертикали, не стоит упоминать, так как они не играют существенной роли в нашем рассказе. Внизу от парламентских зданий, примерно в полусотне метров, протекала Темза. Под палату лордов можно было проникнуть либо из покоев принца, либо из домов парламентских служащих. Покои принца, естественно, отпадали, оставались дома служащих.

Здание палаты лордов было двухэтажным. Сама палата занимала верхний этаж. А первый этаж был без особых церемоний сдан под угольный склад купцу Брайту. Следовательно, порох заговорщики должны были подвести не непосредственно под палату лордов, а под этот склад угля. Однако прежде всего надо было найти возможность снять один из принадлежавших казне домов, которые примыкали к зданию палаты и которые, как уже отмечалось, занимали парламентские служащие. Наиболее удобно из них был расположен Винегр-хауз, который арендовал некто Джон Винниард, входивший в личную охрану короля. Конечно, Кетсби, недавно прошенному мятежнику, нельзя было, не возбуждая подозрений, пытаться побудить Винниарда к уступке аренды дома, находящегося в непосредственной близости от парламентских зданий. Правда, слуга Томаса Бетс, посланный им узнать подробности, сообщил, что дом сдавался Винниардом внаем некоему Генри Ферерсу, владения которого в графстве Уорик соседствовали с поместьями Кетсби. Ферерс был католиком. И тем не менее рисковать было нельзя, так как Ферерс явно сочувствовал старокатоликам – противникам иезуитов.

Единственным лицом среди заговорщиков, который мог попытаться нанять дом, не привлекая внимания к этому, был Томас Перси, аристократ и так же, как хозяин дома, служивший в королевской страже. Перси и взялся за это дело. Уговорить Ферерса, уже пожилого человека, собирателя антикварных редкостей, мало бывавшего в городе, уступить права на наем Винегр-хауза было делом несложным. Однако Ферерс сообщил, что он не может передать свои права другому лицу без согласия Винниарда, которого в то время не было в городе. Перси, однако, удалось уговорить жену Винниарда принять решение до прибытия мужа. Сравнительно крупная сумма, которую Перси согласился платить, и его высокое положение при дворе убедили хозяйку, одинаково заботящуюся и о деньгах, и о том, чтобы ее жилец был бы достоин обрести дом Винниарда. Винегр-хауз имел маленькую пристройку, в которой проживали привратник Гедеон Гибинз и его жена; им пока Перси поручил общее наблюдение за домом. В нем постоянно поселился Гай Фокс, продолжавший фигурировать под именем Джонсона и считавшийся слугой Томаса Перси. Тот часто уезжал из столицы, выполняя поручения своего родственника, графа Нортумберлендского, по сбору ренты у арендаторов его обширных владений.

Винегр-хауз был в распоряжении заговорщиков, и только толстая каменная стена отделяла подвал этого дома от подвального помещения палаты лордов. Однако Винегр-хауз был

слишком мал по размерам и находился слишком на видном месте. В него нельзя было незаметно свезти и хранить большой запас пороха, который требовался для того, чтобы поднять на воздух парламентское здание. Для склада был выбран один из лондонских домов Кетсби, находившийся в Ламбете, на берегу реки, неподалеку от Винегр-хауза. Хранителем склада стал Роберт Кей, сын англиканского священника, долгое время служивший у католического лорда Мордаунта, вовлеченный для этой цели в заговор. В этом доме, стоявшем в отдалении от шумных столичных улиц, Кей и Винтер делали все необходимые приготовления, складывая мешки с порохом в укромном месте речной пристани. Стоявшую там у причала лодку было совершенно не видно со стороны. В зябкой темноте лондонских осенних вечеров вряд ли кто-либо обращал внимание на одинокую лодку, несколько раз причалившую к берегу близ Винегр-хауза. Однажды, правда, какой-то слуга, возвращаясь с работы в парламентском здании, заметил лодку и людей, что-то сгружавших и переносивших в Винегр-хауза. Однако среди них был привратник Гибинз, так что дело явно происходило с ведома и согласия нового хозяина дома, мистера Перси, а если так, то кто может помешать знатному придворному привозить к себе все, что ему заблагорассудится? Случайному свидетелю сцены, конечно, не могло прийти в голову, что привратник Гибинз не больше его понимал смысл происходившего и что именно вносили в дом люди по указанию молчаливого и угрюмого мистера Джонсона.

Однако все расчеты строились без настоящего хозяина дома, которым являлась казна. Сдавая Винегр-хауз, она сохраняла за собой право занять его снова, когда ей это понадобится. И такая нужда действительно возникла. Дом показался удобным для того, чтобы в нем без шума могла заседать конференция, обсуждавшая весьма непопулярный проект слияния Шотландии и Англии, имевших одного короля, в единое государство.

Удар был ужасным, и первый узнавший об этом Фокс спешно послал за Томасом Винтером. Но что было делать? Нечего было и думать быстро убрать из дома завезенные туда порох и доски, которые были необходимы при проведении подкопа. Оставалось надеяться, что высокопоставленным членам конференции вряд ли придет в голову заглядывать в темный, неудобный подвал здания и что слуги окажутся не более любопытными, чем их господа. Этот расчет оказался верным. В результате переговоры, в которых с английской стороны участвовал Фрэнсис Бэкон, знаменитый философ и впоследствии государственный канцлер Великобритании, возможно, происходили буквально на мешках с порохом.

Тем не менее все обошлось мирно. Конференция закончила свою работу, и заговорщики снова стали хозяевами Винегр-хауза. Фокс даже укрепил его, насколько это было возможно, чтобы в случае необходимости в нем можно было выдержать многочасовую осаду. Потом он оставался на страже, наблюдая за прилегающей местностью и готовый при первом же признаке опасности забить тревогу. Занятый этими приготовлениями, Фокс вначале не участвовал в подкопе, хотя он единственный из заговорщиков приобрел за время военной службы некоторый опыт в подведении подземных мин. Остальная четверка – Кетсби, Винтер, Перси и еще один участник заговора, Райт, бодро взялись за дело, но крепкий каменный фундамент слабо поддавался их усилиям. Привыкшие орудовать мечом, а не ломом, они явно переоценили свои силы. Даже вызванные на помощь Кей и Кристофер Райт, зять Джона Райта, не продвинули вперед дела.

В течение двух недель заговорщики упорно продолжали подкоп. Однажды из-за каменной кладки, которая упорно сопротивлялась ударам лома и лопат, раздался гул. Испробовано было верное средство – стену окропили святой водой, недостатка в которой не могло быть при тесной связи с Уайт-Уэбсом. «Нечистая сила» оказалась ни при чем, но шум этот натолкнул заговорщиков на мысль, ранее как-то остававшуюся в тени, – а что, если по виду заброшенный подвал парламентского здания окажется не пустым? Где уверенность, что он не занят под какой-то склад? В этом случае подкоп был бы не только бесполезным, но даже прямо роковым для успеха заговора. Спустившийся вниз Фокс не смог определить причину шума.

Пришлось отправиться на разведку. На отгороженном дворе около покоев принца несколько людей входили и выходили из небольшой двери, которая вела в заветное подземелье. Фоксу не стоило большого труда узнать, что купец Брайт, которому, как мы знаем, сдавался первый этаж, а заодно и подвалы, продавал свои запасы угля и право на аренду помещения некоему Скинеру, купцу с улицы Кинг-стрит. Надо было, следовательно, во что бы то ни стало убедить Скинера в свою очередь переуступить право аренды подвала. Тогда Перси снова отправился к миссис Винниард и разъяснил ей, что ожидает приезда жены, проживающей вне Лондона. Чтобы подготовить Винегр-хауз к ее приезду, надо закупить достаточный запас угля для отопления. Словом, не согласилась бы миссис Винниард поговорить с миссис Скинер, чтобы та посоветовала мужу уступить аренду своего подвала ему, Перси. Конечно, миссис Винниард не останется внакладе, выполнив его просьбу. Двадцать шиллингов оказались безотказно действующим доводом для миссис Винниард, а для Скинера такую же роль сыграло предложение перепродать с немалой выгодой свое право аренды. Дело было улажено. Низкое подвальное помещение, где нависшие своды создавали множество темных углов и закоулков, перешло в распоряжение заговорщиков.

Вскоре из Винегр-хауза и из дома Кетсби в Ламбете были перевезены дополнительно мешки с порохом, укрытые сверху от нескромных глаз настилом из угля, камней и битого стекла. Приготовления закончились, а время для исполнения замысла еще не пришло. Правительство без видимых причин перенесло открытие очередной парламентской сессии с 7 февраля на 3 октября 1605 года. Было, следовательно, время заняться подготовкой других частей заговора. Фокс отправился во Фландрию, чтобы условиться о плане действий с Оуэном и полковником Стенли. Кетсби и Перси взялись за организацию католического выступления, которое должно было состояться после удачи заговора.

Приходилось думать о привлечении к заговору новых людей, хотя бы уже потому, что приготовления требовали больших средств, которые до сих пор покрывались за счет Кетсби, а его ресурсы стали иссякать. Кетсби и Перси получили от других заговорщиков опасное право по своему усмотрению сообщать тайну заговора любым лицам, которых они надеялись привлечь на свою сторону. Объезжая поместья своих друзей, Кетсби постепенно вовлек в ряды участников заговора Роберта Винтера, брата Томаса, и Джона Гранта. Остальным Кетсби не открывал всех своих планов и пытался получить их согласие на участие в добровольческом кавалерийском полку католиков в две тысячи человек, который Яков разрешил нанять на английской территории испанскому правителю Фландрии. Так, например, были втянуты в заговор двоюродные братья Стефен и Хемфри Литлтоны, соседи Роберта Винтера по поместью в графстве Хентингтон. Одним из принятых в число сообщников Кетсби был также Амброзии Роквуд, богатый сквайр из Сеффолка, владелец конного завода; принадлежавшим ему первоклассным рысакам еще предстояло сыграть свою роль в истории заговора.

А чем все это время занимались почтенные обитатели Уайт-Уэбса? На этот вопрос нелегко ответить, вернее, нелегко ответить в точности. Мы знаем, что у посланца из Уайт-Уэбса – отца Лжерарда приняли причастие первые пять заговорщиков после того, как они дали клятву верности. Однако, по их утверждениям, иезуит не только находился в другой комнате дома Кетсби, но и ничего не знал о клятве. Это утверждал впоследствии Фокс, и даже попытка не побудила его к изменению показаний. И все же трудно, очень трудно представить себе, чтобы даже в это время иезуиты не подозревали о заговоре, хотя, быть может, и не считали его особенно необходимым.

Известно, в частности, что Кетсби вел с Гарнетом собеседования на «моральные» темы о допустимости убийства невинных во имя праведной цели. Это происходило в июне 1605 года, и разговор формально шел о войне во Фландрии, о допустимости разрушения вражеской крепости, в которой, помимо врага, могли находиться правочерные католики. Однако ведь при этом не существует намерения убивать именно их, немедленно нашелся иезуит, католиков в

таком случае убивают только благодаря случайности. Станет ли кто-нибудь возражать против ампутации руки, простреленной отравленной пулей? А ведь при этом удаляют не только пораженное ядом место, а всю руку и пальцы, которые, хотя и здоровы, но неразрывно связаны с рукой. Далее, понятно, у Гарнета шли библейские примеры, но мы их пропустим, чтобы не злоупотреблять терпением читателя.

Организатор заговора, весьма удовлетворенный, просил главу иезуитов сохранить в тайне этот разговор, пока он, Кетсби, будет оставаться в живых. И отец Гарнет с готовностью исполнил его желание. Правда, после столь многозначительного замечания Кетсби иезуит твердо решил еще раз встретиться с ним и предостеречь от необдуманных предприятий. Но так уж получилось, что встреча не состоялась. А Гарнет о своих похвальных намерениях сообщил значительно позже, когда в его интересах было настойчиво доказывать, что подобные благие побуждения у него действительно имелись. Кетсби же мог использовать разговор с Гарнетом для вербовки новых членов, убеждая колеблющихся в поддержке и одобрении церкви.

Во вторую или третью неделю июля Кетсби как верующий католик рассказал о заговоре, исповедуясь иезуиту отцу Тесмонду, а тот где-то между 23 и 25 июля сообщил тоже на исповеди об этом своему начальнику Гарнету. По утверждениям, исходившим от Гарнета и вообще из иезуитских источников, он был потрясен тем, что узнал, всячески осуждал этот план заговора, о чем сообщил в Рим, но ничего не мог поделать, будучи скованным тайной исповеди.

Трудно разобраться до конца в этих сплетениях полуправды и прямой лжи. Папская политика в эти годы не раз претерпевала изменения, колебалась от старой неприкрытой враждебности к английскому правительству до попыток удержать своих сторонников в полном повиновении этому правительству в надежде на переход Якова I в католичество или по крайней мере на отмену законов против католиков. (Правда, как раз летом 1605 года началось новое усиление этих репрессивных законов.) Быть может, Гарнету показался нереальным план восстания. Наконец, весьма вероятно, что свидетельства иезуитов представляют собой ловко и заранее составленные оправдательные документы. Во всяком случае совсем неубедителен довод, что иезуиты не выдали заговора, чтобы не нарушить тайну исповеди. Подобный аргумент способен вызвать лишь улыбку у всех, знакомых с деяниями ордена.

Вскоре после того как Гарнет – даже по его собственному признанию – узнал о заговоре, он решил покинуть Уайт-Уэбс. Его, как и в других поездках, неизменно сопровождала «миссис Перкинс» с сестрой. Слугам был дан строгий приказ держать дом всегда готовым для принятия тех джентльменов, которые ранее посещали гостеприимных хозяев. Провинциал и обе леди отправились после этого в Хотерс, имение Эверарда Дигби, богатого католического землевладельца. Оттуда в сопровождении нескольких десятков католических помещиков они двинулись к источнику святого Уинфрида в графстве Флинт (в Уэльсе), предпочитая держать путь через срединные английские графства, где значительная часть населения оставалась верной католицизму.

28 июля правительство объявило, что открытие парламентской сессии переносится с 3 октября на 5 ноября. Заговорщики, снова съехавшиеся в Лондон, делали последние приготовления. Фокс и Винтер проверили, не отсырел ли порох, и пополнили его запасы. Кетсби продолжал закупку лошадей якобы для добровольческого полка. В то же время он вовлек в заговор уже известного нам Эверарда Дигби, которому было поручено возглавить католическое восстание в его предполагаемом центре – графстве Уорик, и Френсиса Трешама, кузена Кетсби и Винтера, являвшегося зятем католического лорда Монтигля. Трешам вступил в заговор после серьезных колебаний, очень поздно – 14 октября 1605 года. Роли Трешама в последующих событиях, во многом неясной, но безусловно важной, нам еще не раз придется коснуться в нашем рассказе.

«Пороховой заговор» был подготовлен. Мина подведена, и Фокс, которому поручалось произвести взрыв, уже присоединил к мешкам с порохом длинный фитиль. За четверть часа,

пока огонь добрался бы до мины, Фокс предполагал сесть в подготовленную поблизости лодку и отъехать возможно дальше от здания парламента. На реке Фокса должно было ждать судно, которое немедля доставило бы его во Фландрию. Там он смог бы сообщить Оуэну и Уильяму Стенли, что наступила долгожданная минута действия.

Осталось десять дней до открытия парламентской сессии. В субботний день 26 октября вечером лорд Монтигль, живший в Монтагю-Клоз, близ бессмертного шекспировского театра «Глобус», неожиданно отправился ужинать в свой замок Хокстон, который он получил в приданое за своей женой Элизабет Трешам. До смерти королевы Елизаветы Монтигль вместе с другими будущими участниками «порохового заговора» принимал участие в мятеже Эссекса, за что его принудили уплатить разорительный штраф более чем в 5 тыс. фунтов стерлингов. Лорд Монтигль находился в более или менее близком родстве со многими заговорщиками, поддерживал дружеские отношения с Кетсби, Френсисом Трешамом, на сестре которого он был женат, с Томасом Винтером, который служил в его свите, и другими. Однако после вступления на престол Якова Монтигль объявил в письме к королю о своем желании принять англиканство. Вслед за этим Монтиглю были возвращены его имения, и он был сделан членом палаты лордов. Монтигль к этому времени уже пользовался доверием и поддержкой Роберта Сесила. Об этом не могли знать Кетсби и его товарищи. Тайное стало явным лишь спустя три с лишним столетия, в результате тщательного исследования семейного архива Сесилов.

Итак, вечером 26 октября Монтигль отправился ужинать в Хокстон. Его гостем был Томас Уорд, дворянин из свиты лорда Монтагю, примкнувший к заговору, хотя и не принявший присяги. Когда дружеский ужин был в разгаре, в комнату вошел паж, державший в руке письмо. По словам пажа, письмо было передано ему незнакомцем с просьбой вручить его лично в руки лорда Монтигля. Тот сломал печать и передал бумагу Уорду с просьбой прочесть ее вслух.

В этом знаменитом письме, составленном очень туманно, Монтиглю советовали, если ему дорога жизнь, не присутствовать на заседании парламента, так как Бог и люди решили покарать нечестие «страшным ударом».

Двусмысленное, но полное тревожных намеков письмо было прочитано Уордом в присутствии пажей и слуг, которые тем более были поражены происходящим, что Монтигль немедля встал из-за стола и приказал седлать лошадей. В 10 часов вечера после бешеной скачки он на взмыленном скакуне подлетел к правительственному зданию Уайт-холлу. Несмотря на поздний час, в нем находились сам Сесил и четыре лорда-католика – Ноттингем, Нортгемптон, Вустер и Сеффолк, которые были введены в состав королевского тайного совета. Лорды пришли на ужин к Сесилу, но, несмотря на довольно поздний час, еще не сели за стол. Поспешно вошедший в зал Монтигль передал Сесилу полученное таинственное письмо. Присутствующие прочитали письмо и приняли решение сохранить все дело в глубокой тайне, ничего не предпринимая до возвращения короля, который охотился в Ройстоне и вскоре ожидался в столице. Монтигль, однако, не счел необходимым скрывать этого решения от Уорда, который и так был знаком уже с письмом. Поздно ночью с воскресенья на понедельник Уорд ворвался к спящему Винтеру и рассказал о происшедшем. На рассвете Винтер, разыскав иезуита отца Олдкорна и Джона Райта, помчался с ними в Уайт-Уэбс, где находился Кетсби. Но упрямый Кетсби и после получения рокового известия еще не считал дело проигранным. Он не верил, что тайна заговора открыта. Быть может, заявил Кетсби, это результат интриги Френсиса Трешама, который только что получил богатое наследство и еще менее, чем раньше, скрывал свое неверие в успех задуманного дела.

Необходимо было удостовериться, открыта ли тайна подвальных сводов парламентского здания, известно ли Сесилу о находившемся там порохе. Кетсби решил послать Фокса проверить, как обстоит дело. Винтер, правда, заметил, что это очень опасное поручение, но Кетсби

мрачно заявил, что забота о сохранности пороха – долг Фокса, и кроме того, его необязательно посвящать в причины, вызвавшие надобность в дополнительной проверке.

Рано утром в среду Фокс направился в столицу и незаметно пробрался в подвал. Достаточно было открыть дверь и сделать несколько шагов, чтобы перестать беспокоиться. Все искусно сделанные Фоксом отметки, которые наверняка были бы задеты, если бы кто-либо заходил в подвал, оказались на своих местах. Вернувшись в Уайт-Уэбс, Фокс сообщил, что мина осталась нетронутой и не обнаруженной лазутчиками Сесила.

Однако кто же послал роковое письмо? Кетсби по-прежнему подозревал Трешама. В четверг, вернувшись в Лондон, Винтер передал Трешаму приглашение Кетсби завтра встретиться для особо важных переговоров. Кетсби решил, что в случае, если эта встреча выявит измену Трешама, не колеблясь, заколоть его кинжалом. 1 ноября, в пятницу, при встрече Кетсби в упор спросил двоюродного брата, не им ли было послано письмо и тем нарушена клятва? Если бы Трешам хоть на минуту смешался, нет сомнения, что Кетсби убил бы его на месте. Но Трешам с негодованием отверг обвинение. Конечно, Трешам был учеником иезуитов, но Кетсби не был в состоянии поверить, что он мог легко отнестись к клятве, данной на молитвеннике. Трешам, правда, не скрывал своего мнения, что правительству известна тайна заговора и что Кетсби следует немедленно бежать во Францию. Но тот все еще не хотел поверить в неудачу. Он объявил, что останется в Лондоне, по крайней мере до возвращения Томаса Перси, который должен был вернуться из поездки по северным графствам, где собирал ренту для графа Нортумберлендского.

Кетсби решил, однако, проверить искренность Трешама, попросив у него 200 фунтов для закупки оружия и лошадей. В случае, если Трешам уже находился в связи с правительством, он вряд ли посмел бы дополнительно компрометировать себя таким содействием заговорщикам. Трешам с готовностью обещал деньги (по его позднему объяснению, он рассчитывал, что Кетсби использует их для бегства во Францию). Ночью Трешам вручил первые 100 фунтов Томасу Винтеру и в ответ на просьбу поскорее доставить остальные обещал раздобыть их к субботе 2 ноября. Действительно, вечером в субботу Винтер получил еще 90 фунтов; больше, как объяснил Трешам, он оказался не в состоянии достать за столь короткий срок. Трешам снова подтвердил, что, по его мнению, заговор раскрыт и предлагал для бегства свою яхту, стоявшую на Темзе.

3 ноября Винтер получил еще более мрачные известия. Уорд сообщил ему, что король вернулся в город, прочел письмо к Монтиглю и приказал лордам – членам тайного совета – хранить обо всем этом самую строгую тайну. Был отдан приказ немедля и незаметно обыскать подвалы под зданием палаты лордов, особенно ту часть из них, которая находилась под королевским тронном.

Кетсби и приехавший уже Перси в смятении выслушали в Уайт-Уэбсе взволнованный рассказ Винтера. Однако и на этот раз не было уверенности, что заговор открыт. Быть может, обыск будет проводиться не очень тщательно, и порох не будет обнаружен под скрывающим его слоем угля и досок. Вечером заговорщики вернулись в Лондон. Фокс снова спустился в подвал. Мина оставалась нетронутой. Незаметно прокрадываясь к Уайт-холлу, заговорщики смогли убедиться, что там не было заметно никакой особенной активности, никаких признаков тревоги. Все было тихо. Проведя беспокойную ночь по домам, утром Кетсби и его друзья узнали от Фокса, что в подвале все обстоит благополучно. Перси купил часы – недешевая вещь в те времена – и послал их Фоксу. Заговорщики разошлись по условленным местам, а Гринвей и Олдкорн покинули Лондон, чтобы сообщить собранные ими вести Гарнету. Кетсби направился в Уайт-Уэбс, Перси – к графу Нортумберлендскому. Лошади держались наготове, и участники заговора могли в любой момент быстро добраться до мест, которые должны были стать центром восстания.

Вскоре после того, как заговорщики заняли установленные места, около здания палаты лордов появились лорд-камергер Сеффолк и лорд Монтигль в сопровождении пажа. Они зашли в подвал, где за ними внимательно наблюдал находившийся там Фокс. Лорд-камергер спросил, кто он такой и что это за груда угля. Фокс ответил, что он слуга мистера Перси, которому принадлежит сваленный здесь уголь. Сеффолк сострил что-то на тему о больших приготовлениях к Рождественским праздникам, и лорды, не перестававшие весело смеяться во время своего обхода, вскоре удалились. Вернувшись к королю, у которого находились Сесил и несколько других членов тайного совета, Сеффолк сообщил о подозрительно большом количестве угля, собранном для отопления дома, в котором Томас Перси столь редко бывал. Сеффолка поразила также внешность Фокса, по его словам, «высокого парня, способного по виду на отчаянные поступки». Лорд-камергер также заметил, что, по мнению Монтигля, автором письма, вероятно, был Перси. Он, возможно, хотел спасти Монтигля, учитывая связывавшую их тесную дружбу.

После посещения подвала Сеффолком Фокс поспешил сообщить об этом Перси. В темную ноябрьскую ночь заговорщики еще раз осмотрели издалека дворцовые и правительственные здания. Все было спокойно. Ни Яков, ни Сесил, видимо, не знали, что их ожидает на следующий день. Фокс еще до этого отправился в подвал с часами и фонарем, свет которого был почти не виден со стороны. Подготовив шнур, который он предполагал зажечь, когда настанет срок, Фокс вышел во двор, находившийся за покоями принца...

Едва Фокс показался наружу, как к нему кинулись поджидавшие его в засаде люди во главе с мировым судьей Ниветом, посланным для нового осмотра подвала. Минуты было достаточно, чтобы пленник, которому связали руки, понял, что все пропало. На вопрос Нивета, что он здесь делает, Фокс не счел нужным скрываться: «Если бы вы меня схватили внутри, – ответил он, – я взорвал бы вас, себя и все здание». По приказанию Нивета подвал был подвергнут тщательному обыску. Бочки с порохом открыты и обезврежены...

Заговорщики стали спешно покидать столицу еще до того, как они узнали о неудаче заговора. Это делалось в соответствии с их планом, который предусматривал одновременное начало восстания в ряде графств на северо-востоке Англии. Вскоре главарей заговорщиков нагнал Роквуд, который заранее расставил по дороге заставы с рысакami своего конного завода. Роквуд привез известие об аресте Фокса. Когда Кетсби и Перси прибыли в замок своего сообщника Дигби, там уже собралась группа местных помещиков, которые намеревались принять участие в восстании. Однако известие о неудаче заговорщиков лишило их мужества. Большинство поспешно ретировалось. Кетсби и его друзья решили бежать в горы Уэльса и поднять на восстание довольно многочисленное там католическое население.

Вскоре началась погоня... В Холбич-хаузе – доме Стефена Литлтона в графстве Стаффордшир заговорщики сделали короткий привал. Кетсби и несколько его спутников попытались просушить порох, который они подмочили, переплывая реку. При подсушке искра упала на блюдо, на котором лежал порох. Кетсби и его друзья были отброшены в сторону с обожженными черными лицами. Мешок пороха силой взрыва был выброшен через пробоину в крыше. Большинство оставшихся невредимыми заговорщиков, в том числе Дигби и Роберт Винтер, бежали. Остальные вскоре были окружены отрядом, собранным шерифом графства. Кетсби и Перси были смертельно поражены одним выстрелом, вслед за ними погибло несколько других заговорщиков. Раненный в руку Томас Винтер, Роквуд, Морган, Грант были взяты в плен. В течение последующих недель были схвачены в разных местах другие участники «порохового заговора». Их ожидали казематы Тауэра, пытки и виселицы, воздвигнутые в Лондоне и других городах для примерной казни всех заговорщиков.

Однако следствие, допросы и пытки не только не прояснили, а, напротив, скорее – и быть может сознательно – запутали историю «порохового заговора».

Так, например, есть основания полагать, что визит лорд-камергера в подвал к Фоксу – не более чем выдумка. И это была – если была – далеко не случайная выдумка Сесиля и его помощников, составлявших отчет о заговоре, тем более что на молчание Сеффолка и Монтигля можно было вполне надеяться, а Фокс к этому времени уже никому не мог ничего поведать о том, что же произошло в действительности. А для того чтобы понять, почему правительству потребовался этот вымысел, надо вначале сделать мысленный прыжок через без малого три столетия – из начала семнадцатого века перенестись в конец девятнадцатого.

За это время неузнаваемо изменился мир. Давно канули в вечность разногласия, разделявшие английскую буржуазию и папство. Его верные слуги – иезуиты – включились со всем рвением в борьбу против революционного движения рабочего класса и превратились в желанного помощника для буржуазии. Да вот беда – репутация у этих полезных людей была более чем подмоченной. Ведь многие поколения той же буржуазии воспитывались на рассказах о кознях иезуитов против Англии, о «пороховом заговоре». Об этом подробно повествовали труды наиболее уважаемых буржуазных историков. «Общество Иисуса» было прямо заинтересовано в рассеивании подобных «недоразумений» и принялось за дело со всем изощренным искусством, свойственным этому ордену.

Читатель, вероятно, не забыл еще отца Джона Джерарда, из рук которого заговорщики приняли причастие после того, как связали себя клятвой верности, и который будто бы не знал о присяге, данной в соседней комнате. Позднее этот иезуит бежал из Англии и в 1606 году составил подробный, хотя далекий от правдивости, рассказ о «пороховом заговоре». Спустя более чем два с половиной столетия другой иезуит, Джон Моррис, издал в Англии рассказ отца Джерарда. А в 1897 году другой Джон Джерард, также член «Общества Иисуса», занялся уже полным опровержением традиционной истории о Кетсби, Гае Фоксе и их сообщниках. Ему ответил наиболее видный либеральный историк Самуэль Гардинер, защищавший традиционную версию. Авторитет Гардинера был настолько велик, что многочисленные возражения, которые продолжал обильно публиковать отец Джерард, уже мало кто читал и еще меньше было таких, кто им верил. Однако иезуитское зерно все же упало на благодатную почву. Шел XX век с его бурными революционными событиями. Росла реакционность английской буржуазии и ее стремление объединиться с любыми союзниками из лагеря церковной реакции. Неудивительно, что иезуитская версия встречала все более благосклонное отношение. И действительно, вплоть до нашего времени продолжают появляться книги, которые настойчиво пытаются убедить читателя в правдивости «иезуитской» версии «порохового заговора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.